

Миронов В. С.
(г. Новосибирск)

**К ВОПРОСУ О РЕКОНСТРУКЦИИ
ЭТНО-СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ
ДОЛИНЫ СРЕДНЕЙ КАТУНИ В СКИФСКОЕ ВРЕМЯ
(по материалам погребений).**

В археологической литературе последних лет убедительно доказывается возможность реконструкции социальных отношений и этнической структуры древнего населения по данным погребального обряда (см. напр: Мартынов, 1979, с. 146-151; Марков, 1980; Кулемзин, 1980 с. 164-169; Кокин, 1992; Курочкин, 1989, с. 36-39; Вадецкая, 1989, с. 41-44; Кузьмин, 1994, с. 29-31; Савинов, 1989, с. 12-16). Основная масса этих исследований посвящена культурам скифского времени, особенно, тагарской культуре. Это дает возможность осуществить попытку подобной реконструкции и на материале погребений скифского времени долины Средней Катунь. Но данная работа сопряжена с рядом трудностей, таких как: относительная однородность в этно-социальном плане погребальных комплексов, их плохая сохранность, отсутствие данных о половозрастном составе (пол определен только у 64% погребенных, а возраст менее чем у 5 %), а также данных стратиграфии, хронологии и антропологии.

С. И. Руденко на материале курганов Пазырыка выдвинул предположение, что цепочка курганов может быть семейным кладбищем, то есть группой могил, принадлежащих одной семье (Руденко, 1952). Тогда отсюда можно сделать вывод о том, что могильник, состоящий из нескольких цепочек, является соответственно родовым кладбищем (Шульга, 1989, с. 41-44), и "царские" курганы Пазырыка можно рассматривать как погребения представителей правящего рода. Число цепочек в могильнике зависит как от продолжительности функционирования памятника, так и от количества семей в роду. Как и всякое родоплеменное общество, пазырыкское население подразделялось на три основные этно структурные ступени: семья - род - племя (Мартынов, 1979, с. 146-151). В семье (имеется в виду малая семья) общими были скот и орудия труда, в роду, который иногда отождествляется с большой патриархальной семьей, состоящей из нескольких малых и насчитывающей до ста человек, в совладении были только пастбища и уголья, а 6-7 родовых коллективов в военно-политическом и культурно-социальном плане объединялись в племя (Марков, 1980).

Существование малой семьи, как правило, ограничено во времени периодом жизни 1-2 поколений. Это обусловлено тем, что семья существует, пока жив ее глава, то есть старшее поколение. С его смертью происходит распад семьи на новые по количеству наследников, которые производят раздел имущества и начинают жить самостоятельно. Этим можно объяснить относительно небольшое число курганов в скифских микроцепочках

(погребения членов малых семей), на которые зачастую "расщепляются" длинные цепочки, в которых тогда можно видеть кладбища больших патриархальных семей, что наблюдается на примере могильников Кайнду и Верх-Еланда-2 (рис. 2-3). Если же из поколения в поколение семья существовала не разделяясь, то соответственно и цепочка курганов была одна и могла достигать значительной длины (Шульга, 1989, с. 43). Это зависело также от периода существования могильника, от численности семьи, от уровня смертности и т. д.

Существует предположение, что образ жизнедеятельности населения Горного Алтая за период от раннего железного века и до наших дней не претерпел коренных изменений. Одинаковые природно-климатические условия порождают одинаковый род хозяйственной деятельности (Шульга, 1987). Следовательно, можно предположить, что древние кочевники Алтая занимались скотоводством примерно также, как это делают современные алтайцы, то есть летом выпасали скот на высокогорных "белках", а на зиму спускались в долины к постоянным зимовьям. Поэтому и могильники располагались, как иногда и сейчас, вблизи подобных зимовий.

Как уже было сказано выше, каждый род имел собственные пастбища и зимовья, а, следовательно, и собственные могильники. Из общей массы среднекатунских погребений представляется возможным выделить подобные родовые и семейные могильники. Для этого необходимо осуществить типологическое сравнение погребальной обрядности и инвентаря всех погребений долины Средней Катунь с учетом их географического местоположения в пределах долины.

Генетическую связь пазырыкцев с раннескифским населением можно проследить по могильникам Кайнду (Неверов, Степанова, 1990, с. 242-270), Кызык-Телань - I* и Айрыдаш-I*, тем более что там присутствуют и раннескифские погребения. Могильник Кайнду начал функционировать в конце VI в. до н. э. (первая цепочка курганов) (рис. 2, кург. 1-6, 40-42), о чем свидетельствует наличие некоторых раннескифских черт: архаичный инвентарь (например, бронзовый кинжал с грифонами из кург. №2, бронзовый чекан из кург. №6 и др.), западная или северозападная ориентация погребенных на спине. В Кызык-Телань-I от предшествующего периода сохраняется погребальная конструкция - каменный ящик (кург. №3-6, 10, 37, 42), а ориентация сменяется с северной на левом боку (кург. №6) на восточную-юго-восточную на правом боку, происходит углубление могильной ямы с 80см до 1, 5м. В Айрыдаш-I связь с прошлым фиксируется в наиболее древних курганах кон. VI-V вв. до н. э. наличием комбинированных каменно-деревянных погребальных конструкций и северной, северо-восточной и северо-западной ориентацией некоторых погребенных (кург. №17, 18, 20, 22, 30), в двух случаях на левом боку (кург. №17, 30) и в одном ничком (кург. №8).

К могильнику Кайнду достаточно близок как в культурном плане, так и по расстоянию (см. рис. 1) могильник Верх-Еланда-2. Аналогии прослеживаются в погребальной конструкции - прямоугольная деревянная рама (кург. №2-4, 6, 8, 11-13), в положении погребенных - на правом боку в скорченном виде, в

керамическом комплексе (Степанова, Неверов, 1994, с. 11-23). Разумеется, сравнение здесь проводится с более поздними цепочками могильника Кайнду (кург. №13, 15-18, 43, рис. 2), где ориентация погребенных - юго-восточная.

В 7км к югу от Верх-Еланда-2 находится могильник Бике-1 (рис. 1), основная цепочка которого состоит из 7 курганов (Кубарев, Киреев, Черемисин, 1990, с. 43-94). Между этими могильниками также существует некоторое сходство в погребальном обряде: тот же тип погребальной конструкции и положения костяков. Наблюдается близость и в керамическом комплексе: сходная форма сосудов из кург. №2, 7 мог. Верх-Еланда-2 и кург. №2 мог. Бике-1 (а также кург. №5 мог. Кайнду), наличие "ушек" у сосудов из Бике-1 (кург. №1, 2, 5), Верх-Еланда-2 (кург. №9) и Кайнду (кург. №13), а также Айрыдаш-4* (кург. №17). В этом плане представляют интерес находки в кург. №2, 9, 14 мог. Верх-Еланда-2 и кург. №12, 24, 28 мог. Айрыдаш-I сосудов с налепным орнаментированным валиком, а также двух сосудов с носиком-сливом и жемчужно-нарезным орнаментом из кург. №2 мог. Верх-Еланда-2 и кург. №37 мог. Кызык-Телань-I. Из остального инвентаря имеют аналогии с ножами из Кайнду "бронзовые ножи из Айрыдаш-4 (кург. №7) и Кызык-Телань-I (кург. №3), Верх-Еланда-2(кург. №9).

Некоторое сходство в погребальной обрядности и инвентаре с выше перечисленными могильниками прослеживается в отдельных курганах могильников Ороктой (кург. №7), Ороктой-эке (кург. №16, 23; Худяков, Скобелев, Мороз, 1990, с. 95-149), Гурдуба* (кург. №2), Дялян* (кург. №15, 19), Усть-Эдиган (кург. №60, 74), Салдам (кург. №5, 7), Солдин (Худяков, 1994, с. 59-62), Солдин-эке (кург. №1, 2), Чоба-6* (кург. №1, 3), Тыткескень-6 (кург. №2, 4, 6) Степанова, Кирюшин, 1989, с. 64-66) и Эдиган (кург. №4). Так, по погребальной обрядности кург. №60 и 74 мог. Усть-Эдиган близки к кург. №14 (мужчина и женщина с конем в грунтовой яме) и кург. №2 (трое в срубe) мог. Верх-Еланда-2, а также кург. №43 (мужчина с конем в грунте) мог. Кайнду, а по керамике - к мог. Айрыдаш-I. Имеет некоторое сходство и инвентарь из могильников Эдиган (кург. №4) и Верх-Еланда-2(кург. №13) - бронзовые зеркала с центральной ручкой на ножках (возможно, работа одного мастера).

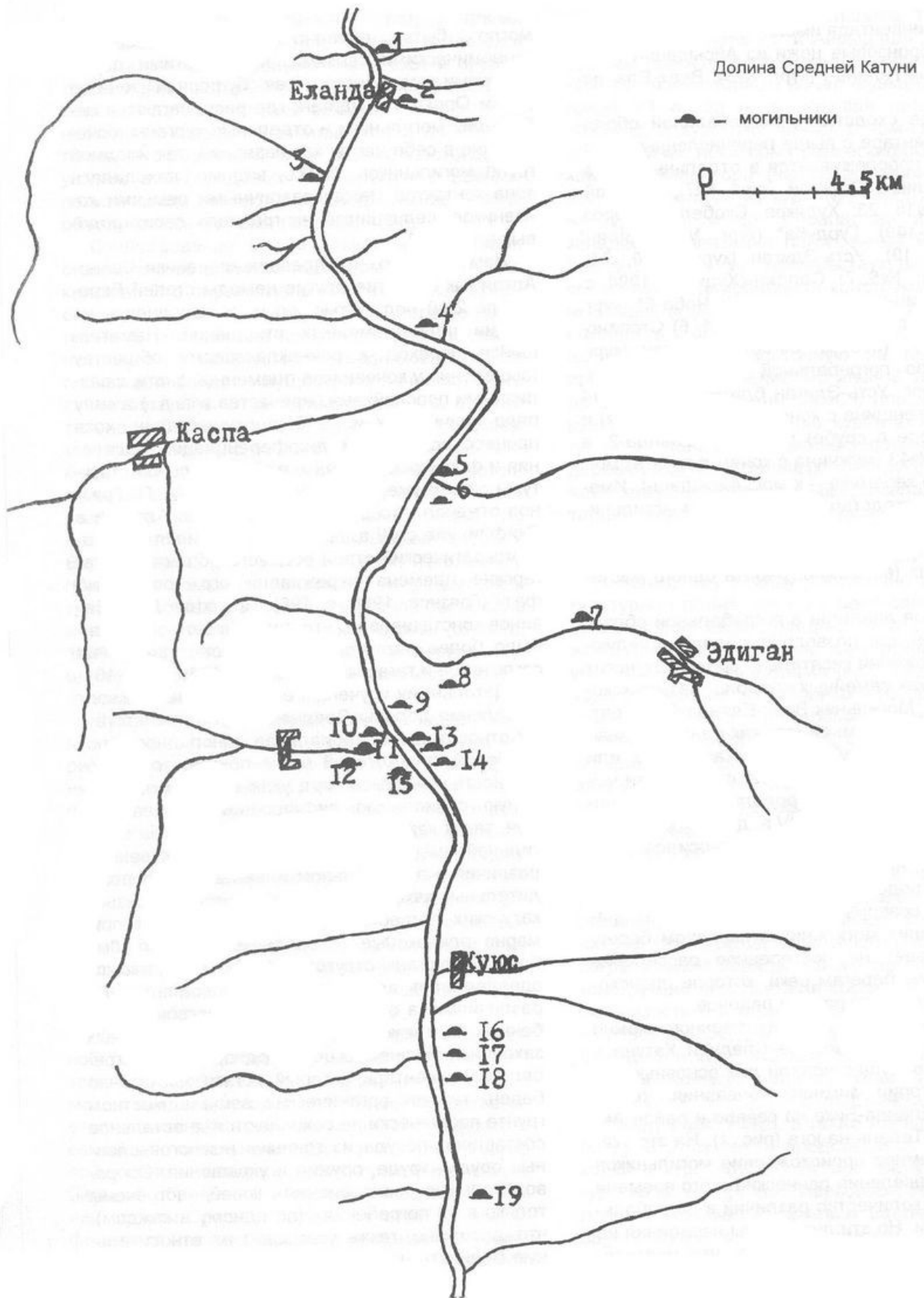
Выявленные аналогии в погребальной обрядности и инвентаре позволяют сделать следующие предположения касательно среднекатунских могильников как семейных кладбищ пазырыкского населения. Могильник Верх-Еланда-2, вероятно, был сооружен семьей (так как одна основная цепочка), выделившейся из состава рода или большой патриархальной семьи, оставившей могильник Кайнду, который продолжал функционировать по крайней мере до IV в. до н. э. К этой же группе населения, по-видимому, относился и могильник Бике-I; население, оставившее его, имело, вероятно, родственные и экономические связи со своими северными соседями (рис. 1). Наличие небольших могильников на левом берегу Катуня указывает на постепенное расселение семей по обоим берегам реки, которое происходило, скорее всего, из разных районов.

На основании всего вышеизложенного можно предположить, что в долине Средней Катуня в скифское время существовали две основные родовые территории зимнего кочевания: район Кайнду-Верх-Еланда-Бике на севере и

район Айрыдаш-Кызык-Телань на юге (рис. 1). На это указывают автономное происхождение могильников от коренного населения раннескифского времени и достаточное количество различий в погребальной обрядности. Но эти две группы населения не были изолированы друг от друга, что подтверждается некоторым сходством бронзового инвентаря и керамического комплекса, которое могло быть вызвано крепкими торгово-экономическими связями. Между этими двумя районами выделяется некая "буферная" зона по рекам Ороктой и Эдиган, где располагаются небольшие могильники и отдельные курганы, сочетающие в себе черты как северной, так и южной групп могильников. Здесь, видимо, находилась зона контактов между различными семьями кочевников, селившихся на границах своих родовых владений.

Нам известно, что древние кочевники Саяно-Алтая как и многие другие номады степей Евразии во 2-ой пол. 1 тыс. до н. э. находились на стадии родоплеменных отношений. Наметившийся переход к раннеклассовому обществу (выделение у кочевников племенной знати с различными прослойками, жречества и т. д.) в силу ряда причин так и не был осуществлен, хотя процесс социальной дифференциации населения и формирования развитой социальной структуры зашел уже достаточно далеко. М. П. Грязнов отмечал, что "на Енисее, как и на Алтае и в Скифии, уже с VII в. до н. э. установился военно-демократический строй родового общества и татарские племена переживали его последнюю фазу"(Грязнов, 1968, с. 196). При этом Д. Г. Савинов констатировал, что пазырыкское общество было более развито в социальном плане, чем саглыньское и татарское (Савинов, 1989, с. 12-16).

Детальному изучению в этом плане кочевого населения долины Средней Катуня препятствует относительная социальная однородность погребений, под которой мною понимается однородность комплекса черт, указывающих на некоторую социальную дифференциацию населения, таких как: размеры курганной насыпи и могильной ямы, качественные и количественные различия в погребальном инвентаре и сопроводительных захоронениях коней и т. д. В среднекатунских погребениях размеры насыпей примерно одинаковые (в среднем от 5 до 10м), большие курганы отсутствуют. Величина насыпи определяется здесь скорее не социальными различиями, а возрастом и количеством погребенных, а также наличием сопроводительных захоронений коней. В целом однороден и погребальный инвентарь, который, кстати, достаточно беден, так как органические вещи в местном грунте практически не сохраняются, а остальное составляют посуда из глины и немногочисленные орудия труда, оружие и украшения. Сопроводительные захоронения коней встречены только в 13 погребениях (по одному в каждом), что, возможно, также указывает на относительную бедность населения. Из всего этого можно сделать вывод о том, что пазырыкское население Средней

Цифрами обозначены: 1 — Кайнду, 2 — Верх-Еланда, 3 — Тыткескень 6, 4 — Бике 1, 5 — Чоба, 6 — Чоба 6, 7 — Эдиган, 8 — Кайнзарах, 9 — Усть-Эдиган, 10 — Ороктой, 11 — Ороктой-Эке, 12 — Дялян, 13 — Салдам, Солдин, 14 — Солдин-Эке, 15 — Гурдуба, 16-18 — Айрыдаш 4,3,1, 19 — Кызык-Телань 1.

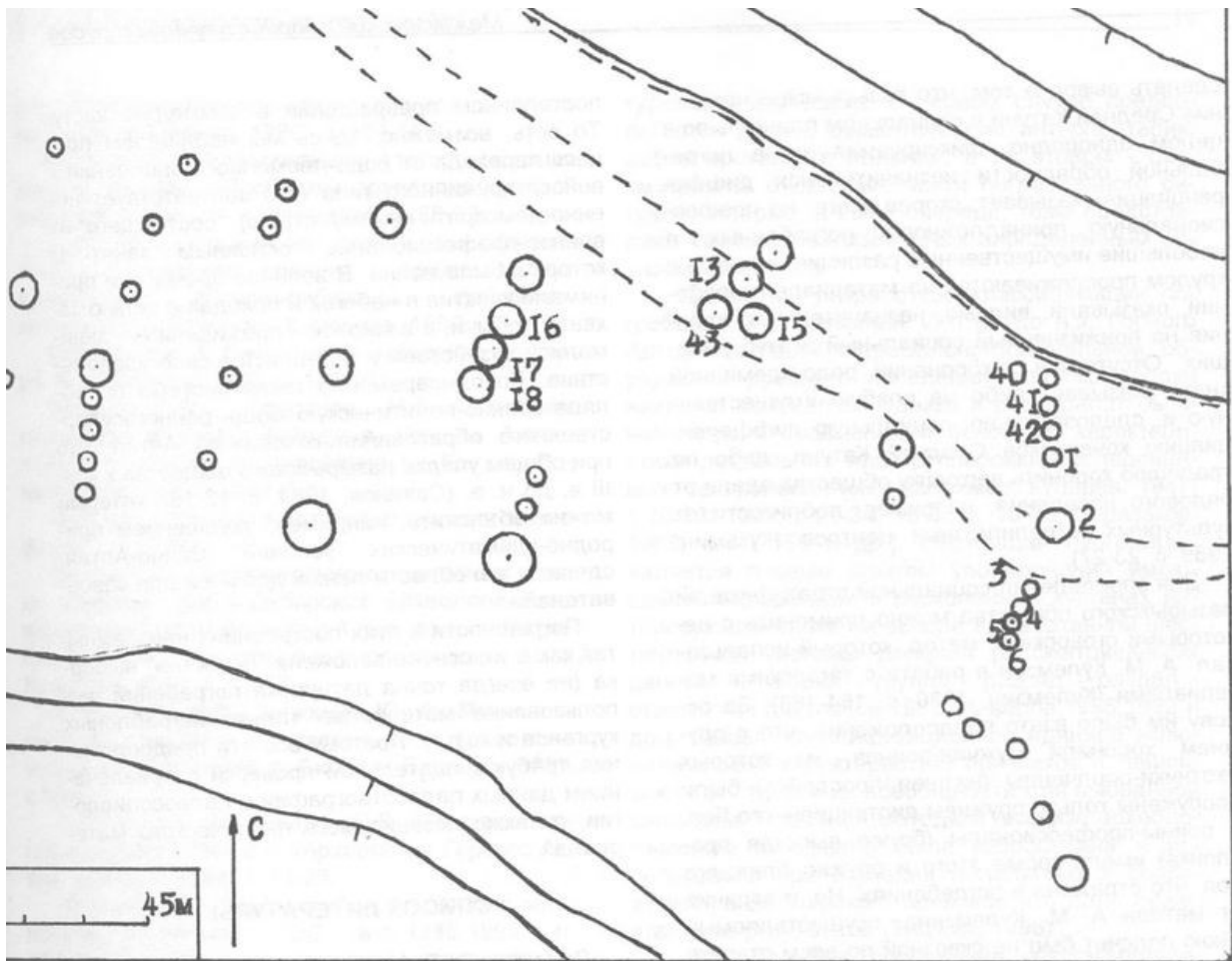

Рис.2. План расположения могильника Кайнду.

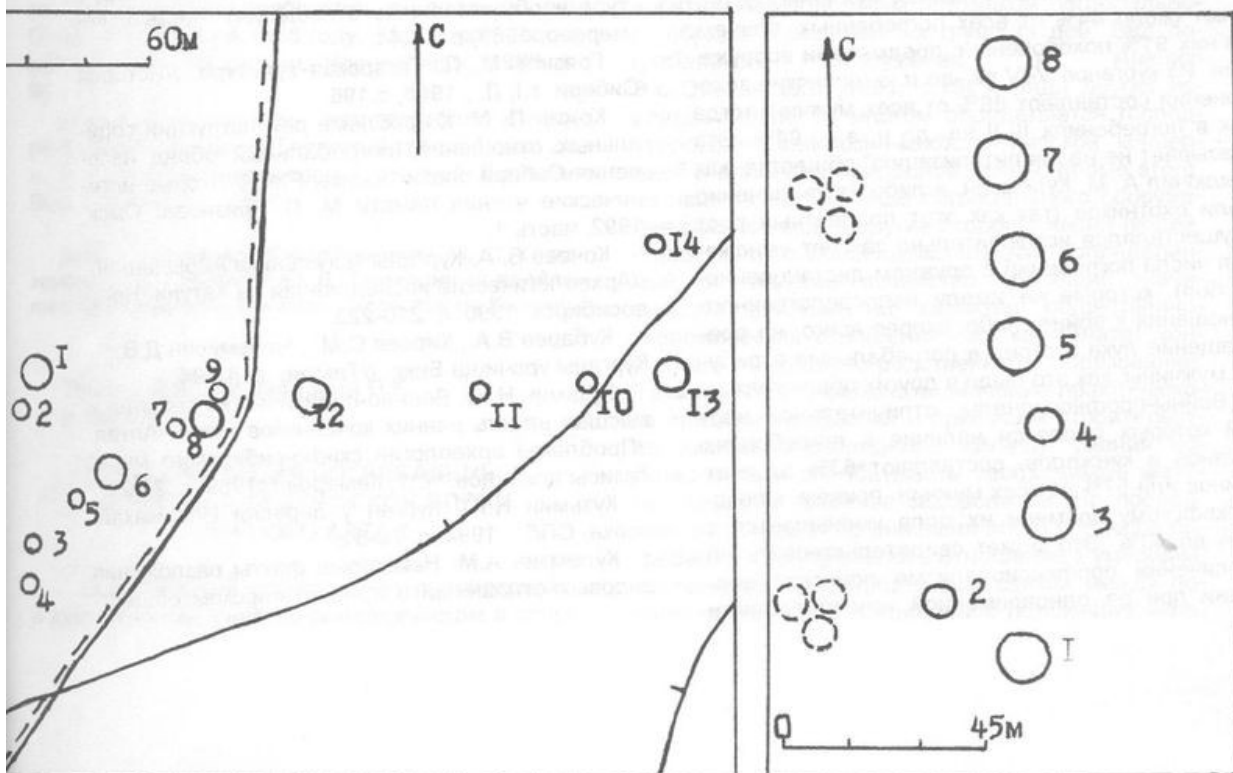

Рис.3. План мог. Верх-Еланда 2.

Катуни в социальном плане было в целом однородно, фиксируемая же в погребальной обрядности незначительная дифференциация указывает, скорее всего, на профессиональную принадлежность погребенных, а небольшие имущественные различия, которые с трудом прослеживаются на материале погребений, оказывали, видимо, незначительное влияние на прижизненный социальный статус умерших. Отсутствие захоронений родо-племенной знати указывает либо на слабую имущественную и, следовательно, социальную дифференциацию кочевников Средней Катуни, либо на традицию хоронить верхушку общества вдали от рядового населения, например, поблизости от культурных и религиозных центров (Кузьмин, 1989, с. 23-27).

Для определения социальной стратификации пазырыкского общества можно применить с некоторыми оговорками метод, который использовал А. М. Кулемзин в работе с татарскими материалами (Кулемзин, 1980, с. 164-169). За основу им было взято предположение, что с оружием хоронили мужчин-воинов, из которых охотники-ополченцы (низшая прослойка) были вооружены только оружием дистанционного боя, а воины-профессионалы (более высокая прослойка) имели кроме этого и оружие ближнего боя, что отражено в погребениях. Но, в отличие от метода А. М. Кулемзина, осуществляемый мною подсчет был не сквозной по всем этапам, а отдельный для каждого этапа пазырыкской культуры, то есть для V-IV и III-II вв. до н. э.

В среднекатунских курганах мужчины составляют около 44% от всех погребенных, причем, из них 91% похоронены с предметами вооружения. Из курганов V-IV вв. до н. э. воинские захоронения составляют 88% от всех мужчин, тогда как в погребениях III-II вв. до н. э. - 94%. Это указывает не на "милитаризацию" общества, как заключил А. М. Кулемзин, а либо на увеличение доли охотников (так как этот процентный рост осуществлялся исключительно за счет умножения числа погребений с оружием дистанционного боя), которые не имели непосредственного отношения к войне, либо, скорее всего, на превращение лука и стрел в погребальные атрибуты мужчины, как это было в других обществах.

Воины-профессионалы, отличительной чертой которых является наличие в погребениях чеканов и кинжалов, составляют 63% от всех воинов или 57% от всех мужчин, причем, к позднескифскому времени их доля уменьшается с 86% до 40%. Это может свидетельствовать об увеличении профессионализма воинской верхушки при ее одновременной консолидации и постепенном превращении в замкнутую касту. То есть, возможно, здесь мы наблюдаем процесс перехода от родо-племенного ополчения к войску дружинного типа (что соответствует военно-демократическому строю), состоящего из воинов-профессионалов, основным занятием которых была война. В военное время они принимали участие в набегах и походах с целью захвата добычи, а в мирное - проживали ее, занимались хозяйством и охотились в свое удовольствие. Но одновременно такая система ослабляла военно-политическую мощь раннегосударственного образования кочевников Алтая, что при общем упадке пазырыкского общества к кон. III в. до н. э. (Савинов, 1989, с. 12-16), который можно объяснить, например, ухудшением природно-климатических условий

Саяно-Алтая, сделало эти области легкой добычей для завоевателей.

Погрешности в этих построениях неизбежны, так как в их основе заложена "нечистая" выборка (не всегда точна датировка погребений, использование материалов только неграбленных курганов и т. д.). Поэтому все эти предположения требуют тщательной проверки с привлечением данных палеоэтнографии и палеосоциологии, а также независимого фактического материала.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

Вадецкая Э. Б. Методы изучения общественных отношений тагарцев. // Проблемы археологии скифо-сибирского мира (социальная структура и общественные отношения). Часть I. Кемерово, 1989, с. 41-44.

Грязнов М. П. Татарская культура. //История Сибири. т.I, Л. , 1968, с. 196.

Кожин П. М. К проблеме реконструкции социальных отношений (погребальный обряд населения Сибири эпохи бронзы-РЖВ)//Вторые исторические чтения памяти М. П. Грязнова. Омск, 1992, часть 1.

Кочеев В. А. Курганы могильника Айрыдаш III. //Археологические исследования на Катунь. Новосибирск, 1990, с. 210-223.

Кубарев В.А., Киреев СМ. , Черемисин Д.В. Курганы урочища Бике. //Там же. с. 43-94.

Кузьмин Н.Ю. Военно-политические события и высшая власть ранних кочевников Саяно-Алтая //Проблемы археологии скифо-сибирского мира. Тезисы докладов. Ч. 1. Кемерово, 1989, с. 23-27.

Кузьмин Н.Ю. Курган у деревни Новомихайловка. СПб. , 1994, с. 29-31.

Кулемзин А.М. Некоторые факты разложения родовых отношений в древнетагарском обществе. //Скифо-сибирское культурно-историческое единство. Кемерово, 1980, с. 164-169.

Курочкин Г.Н. Евроскифская и тагарская социальные модели. //Проблемы археологии скифо-сибирского мира. Ч. 1. Кемерово, с. 36-39.

Марков Г.Е. Социальная структура и общественная организация древних и средневековых кочевников. //Скифо-сибирское культурно-историческое единство. Кемерово, 1980.

Мартынов А.И. Лесостепная тагарская культура. Новосибирск, 1979, с. 146-151.

Неверов С.В., Степанова Н.Ф. Могильник скифского времени Кайнду в Горном Алтае. //Археологические исследования на Катунь. Новосибирск, 1990, с. 242-270.

Руденко С.И. Горно-алтайские находки и скифы. М. - Л., 1952.

Савинов Д. Г. Соотношение социального уровня развития Южно-Сибирских археологических культур во второй половине 1 тыс. до н. э. // Проблемы археологии скифо-сибирского мира. Ч. 1. Кемерово, 1989, с. 12-16.

Степанова Н.Ф., Кирюшин Ю. Ф. Могильник скифского времени Тыткескень-6. // Археологические исследования в Сибири. Барнаул, 1989, с. 64-66.

Степанова Н.Ф., Неверов С.В. Курганный могильник Верх-Еланда II //Археология Горного Алтая. Барнаул, 1994, с. 11-23.

Худяков Ю.С. Охранные работы в зоне затопления Катунской ГЭС в 1988-1993 гг. //Проблемы изучения культурно-исторического наследия Алтая. Горно-Алтайск, 1994, с. 59-62.

Худяков Ю.С, Скобелев С Г., Мороз М.В. Археологические исследования в долинах рек Ороктой и Эдиган в 1988 году. //Археологические исследования на Катуні. Новосибирск, 1990, с. 95-149.

Шульга П.И. Значение экологического фактора в жизни населения Горного Алтая в 1 тыс. дон. э. //Проблемы археологии степной Евразии. Вып. 2. Кемерово, 1987.

Автор выражает благодарность А. С. Суразакову, В. А. Кочееву и Ю. В. Тетерину за предоставление материалов своих раскопок на Катуні.